

содержали учение Аристотеля, излагаемое в неоплатоническом духе. Прежде всего прочего латиняне заметили и впоследствии заимствовали их космогонию, опи-

сывавшую эманацию сфер и отдельные интеллигенции, начиная с Бога и кончая деятельной интеллигенцией, от которой зависят подлунный мир и человек. Смутный и расплывчатый платонизм XII века, наконец, нашел там систему мира, которая уточняла его воззрения и придавала ему научную основательность. Авиценна получил у христиан незамедлительное признание—до такой степени, что порой говорили о «латинском авиценнизме» конца XII века. Это определение не вполне точно. С таким же успехом можно было говорить об «аверроистах» XIV века, то есть о философах, для которых учение Аверроэса, взятое в целом, якобы являлось конечной философской истиной. Наши современные познания не позволяют назвать ни одного христианского философа XII столетия, который до конца следовал бы учению Авиценны. Особенно трудно для христианина было полностью до конца разделять его космогонию. Аль-Фараби и Авиценна учили, что существует одна отдельная деятельная Интеллигенция, единая для всего человеческого рода, начало и конец познания всех индивидов. Христиане должны были либо проникнуть сквозь эту Интеллигенцию, чтобы дойти до Бога, либо отождествить ее с Богом. Они попытались сделать и то и другое.

В 60—70-е годы XII века появились любопытные произведения, в которых учение Авиценны комбинировалось со всеми известными в ту эпоху разновидностями платонизма: Августина, Дионисия Ареопагита, Халкидия, Боэция, Иоанна Скота Эриугены и других. Такова, например, книга «О душе» («De anima»), которую обычно приписывают, хотя и без достаточных оснований, Гун-диссалину. Она представляет собой компиляцию текстов, дословно заимствованных из латинского перевода «Liber VI Naturalium» Авиценны. Это резюме авиценновской психологии верно отражает оригинал, однако в ней присутствуют понятия, происходящие из других источников, в частности из книги «О различии души и духа» («De differentia animae et spiritus»), приписываемой врачу-

289

1. Греческое и арабское влияния

христианину Коста бен Лука (864—923), которого схоласты называли Констанбулином. Это сочинение отлично согласуется с авиценновским учением о бессмертии души; в нем без всяких возражений принимается даже существование отдельной деятельной интеллигенции, умпостигаемого солнца душ. Однако, поступив так, нужно было пробить потолок авиценновской Вселенной, чтобы соединиться с Богом христиан. Это было сделано: от Халкидия, которого называет Боэций, было заимствовано учение об «*intelligentia*» («интеллигенции») — источнике мистической мудрости, типичным примером которой может служить сообщение св. Павла о третьем небе*. Само фактическое содержание книги «О душе» обнаруживает природу проблемы. Можно целиком издать ее текст, отметив на каждой странице арабский источник, которым ее составитель воспользовался как плагиатор, но для последней главы эта процедура непригодна. Кто бы он ни был, автор трактата был вынужден написать ее сам, и он сделал это, опираясь теперь уже на Халкидия, Боэция, св. Бернарда и Исаака Стеллу, а все они — христианские писатели. Так что здесь мы видим, как образуется теологический «комплекс», слегка отличный от предыдущего, где естественная тенденция разных видов платонизма к объединению позволяла увенчать психологию Авиценны мистическим экстазом христианина.